

ГЕРМЕНЕВТИКА
ДРЕВНЕРУССКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

STUDIA PHILOLOGICA

STUDIA PHILOLOGICA

ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ РАН
ОБЩЕСТВО ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ ДРЕВНЕЙ РУСИ

ГЕРМЕНЕВТИКА ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

СБОРНИК 15

Ответственный редактор
О. А. Туфанова

РУКОПИСНЫЕ ПАМЯТНИКИ ДРЕВНЕЙ РУСИ
МОСКВА
2010

УДК 801.161.1
ББК 83.3(2Рос=Рус)1
Г 37

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
проект № 09-04-16060

Экспертный совет:

*И. Н. Данилевский, И. Г. Добродомов,
М. Ю. Люстров, Д. С. Менделеева*

Г 37 Герменевтика древнерусской литературы. Сб. 15 / Ин-т мировой литературы РАН; Об-во исследователей Древней Руси; Отв. ред. О. А. Туфанова — М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2010. — 896 с., ил. — (Studia philologica).

ISSN 1726-135X
ISBN 978-5-9551-0430-0

Книга является собранием монографий и статей, посвященных русской истории, литературе, искусству, общественной мысли XI—XVIII вв. Основу сборника составляют работы сотрудников отдела древнеславянских литератур ИМЛИ им. А. М. Горького РАН и участников семинара Общества исследователей Древней Руси, представляющие различные научные школы и направления.

Книга адресована в первую очередь подготовленным читателям — ученым-медиевистам, преподавателям вузов, аспирантам и студентам-филологам, историкам, искусствоведам.

ББК 83.3

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

ISBN 978-5-9551-0430-0

9 785955 104300

© Авторы, 2010

© Рукописные памятники Древней Руси, 2010

ОГЛАВЛЕНИЕ

МОНОГРАФИИ

М. В. Первушин

«ЖИТИЕ ПРЕПОДОБНОГО ЕВФРОСИНА ПСКОВСКОГО»: НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ

Введение..... 13

Часть I. Литературная история «Жития Евфросина Псковского» в древнерусской книжной традиции, его поэтика и семантика

§ 1. Первоначальная редакция «Жития Евфросина Псковского»	27
1.1. К вопросу об истории открытия рукописи Первоначальной редакции «Жития Евфросина Псковского»	27
1.2. Палеография рукописи Первоначальной редакции «Жития Евфросина Псковского»	29
1.3. Время, цель и причины создания Первоначальной редакции «Жития Евфросина Псковского»	32
1.4. Атрибуция Первоначальной редакции «Жития Евфросина Псковского»	41
1.5. Основные эпизоды Первоначальной редакции.....	47
§ 2. Васильевская редакция «Жития Евфросина Псковского»... 48	
2.1. Археография Васильевской редакции «Жития Евфросина Псковского»	48
2.2. Взаимоотношения двух редакций «Жития Евфросина Псковского»	49
2.3. Основные эпизоды Васильевской редакции «Жития Евфросина Псковского»	51
§ 3. Краткие редакции «Жития Евфросина Псковского»	53
3.1. Первая краткая редакция «Жития Евфросина Псковского»	53

3.2. Вторая краткая редакция «Жития Евфросина Псковского»	61
3.3. Третья краткая редакция «Жития Евфросина Псковского»	63
3.4. Четвертая краткая редакция «Жития Евфросина Псковского»	65
3.5. Пятая краткая редакция «Жития Евфросина Псковского»	66
3.6. Шестая краткая редакция «Жития Евфросина Псковского»	67
3.7. Седьмая краткая редакция «Жития Евфросина Псковского»	67
3.8. Восьмая краткая редакция «Жития Евфросина Псковского»	68
3.9. Девятая краткая редакция «Жития Евфросина Псковского»	68
§ 4. Источники Первоначальной редакции	70
§ 5. Поэтика Первоначальной редакции «Жития Евфросина Псковского»	71
5.1. Сюжетно-композиционная структура Первоначальной редакции «Жития Евфросина Псковского»	71
5.2. Стилистическая структура и семантические особенности Первоначальной редакции.....	90
5.3. Лексико-фразеологические особенности Первоначальной редакции	101
5.4. Лексико-стилистическое сравнение Первоначальной редакции и «Отписки» дьяка Филиппа	105
5.5. Идеино-художественное своеобразие и жанровая специфика Первоначальной редакции	106

**Часть II. Исторический контекст возникновения
«Жития Евфросина Псковского» и история бытования
памятника в XVI–XVII вв.**

§ 1. Псковская Церковь в XV веке	110
1.1. Псковская Церковь и новгородские архиереи	111
1.2. Личность и деятельность архиепископа Новгородского Геннадия	113

§ 2. Псковские споры об аллилуйе XV столетия.....	118
2.1. Споры начала XV столетия при митрополите Фотии.....	118
2.2. Путешествие Евфросина в Константинополь.....	120
2.3. Взгляд Евфросина на сугубую аллилуйю	126
2.4. Споры середины XV столетия и начало литературной полемики.....	129
2.5. Споры конца XV столетия	138
2.6. Взгляд автора Первоначальной редакции «Жития Евфросина» на сугубую аллилуйю	140
§ 3. Первоначальная редакция «Жития Евфросина Псковского» в XVI столетии.....	142
3.1. Отношение к сугубой аллилуйе в начале XVI века	143
3.2. Макарьевские соборы и вопрос о прославлении Евфросина Псковского	144
§ 4. «Житие Евфросина Псковского» в XVII столетии.....	151
4.1. Почитание Евфросина в начале XVII века.....	151
4.2. Изменение отношения к личности Евфросина и его «Житию» в середине XVII века	154
<i>Заключение</i>	157
<i>Список сокращений</i>	162
<i>Приложение. Текст «Жития Евфросина Псковского» по рукописи РГБ из собрания Ундольского (Ф. 310), № 235 (святцы с летописью и пасхалией, XVII век</i>	163
<i>Примечания</i>	164

М. Е. Башлыкова

**ТОПИКА ЖИТИЙ В КИЕВО-ПЕЧЕРСКОМ ПАТЕРИКЕ
РЕДАКЦИИ 1661 ГОДА**

<i>Введение</i>	187
Глава 1. История текста и обзор редакций Киево-Печерского патерика	204
Глава 2. Особенности сюжетной и стилистической топики житий Киево-Печерского патерика в редакции 1661 года	224
2.1. Призвание к иночеству, пострижение и подвиги.....	224

2.2. Изображение особенных подвигов в Киево-Печерском патерике	255
2.3. Изображение искушений в Киево-Печерском патерике	261
2.4. Изображение чудес в Киево-Печерском патерике	274
2.5. Изображение посвящения в сан в Киево-Печерском патерике	308
2.6. Топика поучений в Киево-Печерском патерике.....	315
2.7. Топос соотношения Божественной и человеческой воли	323
2.8. Описание кончины и погребения подвижников в Киево-Печерском патерике	329
<i>Заключение</i>	346
<i>Примечания</i>	351

СТАТЬИ

ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ

<i>В. М. Кириллин.</i> Русская образованность в X–XVII вв.	419
<i>Е. Л. Конявская.</i> Византийская чудотворная икона в Древней Руси: проблемы восприятия	473

ПОЭТИКА

<i>А. С. Демин.</i> К вопросу об изобразительности произведений древнерусской литературы	490
<i>А. Н. Ужанков.</i> «Летописец Даниила Галицкого» в контексте литературных произведений XII–XIII вв.	559
<i>Н. В. Трофимова.</i> «Повесть о битве на Липице» в переработках летописцев XV–XVI вв.	581
<i>О. А. Туфанова.</i> Символ льва во «Временнике» Ивана Тимофеева	607

ТЕКСТОЛОГИЯ

<i>О. В. Гладкова.</i> Ранние славянские и русские списки Жития Евстафия Плакиды в собраниях российских и зарубежных библиотек.....	628
<i>А. М. Ранчин.</i> Реплика к давнему спору: кто такой «старый Владимир» в «Слове о полку Игореве»?	677

<i>Л. А. Гурченко.</i> Некоторые догадки по поводу «темных мест» в «Слове о полку Игореве» (готские девы, Днепр Словутич, Лада и др.)	683
<i>В. И. Максимов.</i> Века Трояновы и время Бусово в «Слове о полку Игореве»	706
<i>Г. П. Чинякова.</i> Иллюминированные «Страсти Христовы» в древнерусской рукописной книжной традиции	720
<i>А. В. Кузьмин.</i> Синодик боярского сына П. С. Бабина (Судьба рукописи и происхождение ее владельца)	729

ТРАДИЦИИ ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В XVIII–XXI вв.

<i>М. Ю. Люстров.</i> О некоторых тенденциях в русской и шведской панегирических литературах эпохи Северной войны	747
<i>А. С. Демин.</i> Древняя Русь в новейшей русской поэзии	763
<i>О. В. Гладкова.</i> Образ Древней Руси в современной детской литературе	811

СТОЛЕТИЕ ВЕРЫ ДМИТРИЕВНЫ КУЗЬМИНОЙ

<i>А. Д. Кузьмина, И. К. Фортунатов.</i> Детство и юность Веры Дмитриевны Кузьминой	839
<i>Н. И. Фортунатова.</i> Тетя Вера наша. Воспоминания племянницы В. Д. Кузьминой	864
<i>С. А. Малкин.</i> Вера Дмитриевна Кузьмина	870
<i>Д. Д. Кузьмин.</i> Воспоминания инженера путей сообщения выпуска 1901 г.	872

МОНОГРАФИИ

М. В. Первушин

**«ЖИТИЕ ПРЕПОДОБНОГО
ЕВФРОСИНА ПСКОВСКОГО»:
НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ**

ВВЕДЕНИЕ

«Житие и жизнь и подвизи преподобного отца нашего Евфросина трудолюбца пустынножителя»¹ – так озаглавлена Первоначальная редакция «Жития Евфросина Псковского» – памятника древнерусской письменности конца XV в., изучению которого посвящено данное исследование.

Преподобный Евфросин родился около 1386 г. под Псковом в «веси Виделепския, разстояние имущи от града 30 поприщ»². Точной даты рождения Евфросина не указано ни в Первоначальной, ни в последующих редакциях «Жития». Указано лишь количество прожитых им лет – 95 и год его смерти – 1481-й. В крещении он был назван Елсазаром. Приняв постриг в псковском Снетогорском монастыре, Евфросин через короткое время покидает его, открывая новый для Пскова вид подвижничества – пустынножительство. До него вся монашеская жизнь Псковской земли сосредотачивалась в городах или пригородах. Та роль, которую сыграл преподобный Евфросин в истории монашества псковского, сравнима по значимости с трудами Сергия Радонежского для монашества московского³.

Евфросин стал первым псковским пустынножителем. Он же первым основал и общежительное монашество, явившись составителем древнейшего общежительного иноческого «Устава». Новая форма монастырской жизни получила широкое распространение в Псковской земле, причем совершенно независимо от влияния идей пустынного монашеского жития, бытовавших в то время в северо-восточной Руси. Имела она влияние также и за пределами Псковской земли⁴. Большинство канонизированных псковских преподобных отцов, живших начиная с XV столетия, так или иначе связаны с именем Евфро-

сина, являясь либо его «спостниками», либо учениками, либо учениками учеников.

Евфросин Псковский был не только подвижником, но и писателем⁵, который, кроме «Устава», написал еще несколько посланий и «Духовное завещание»⁶. Однако известность Евфросину принесло (кроме заслуг на духовном и литературном поприщах) деятельное участие в богословских спорах об аллилуйе, разгоревшихся в Пскове в XV столетии. Уже на соборе 1551 г. авторитетом Евфросина и его «Жития» была повсеместно утверждена сугубая практика пения этого церковного словословия. Однако через сто лет на Большом московском соборе 1666–1667 гг. двойное возглашение аллилуйи было заменено тройным, а «Житие Евфросина», впрочем как и сама его личность, подверглось резкой критике и осуждению. Это определило сложный характер литературной истории «Жития Евфросина», а также пристальный интерес к нему и со стороны старообрядческих книжников, и со стороны полемистов господствующего вероисповедания. Однако сложность этого бытования обеспечивали лишь вторая (Васильевская) и последующие редакции памятника, Первоначальная же редакция находилась в забвении. Она была обнаружена и стала доступна для научного изучения лишь с конца 60-х гг. XIX столетия. Несмотря на то что с этого момента прошло уже около 150 лет, целый ряд проблем, связанных с изучением памятника, остается не только не проясненным, но даже и не поставленным.

Цель настоящей работы определена неизученностью литературного значения «Жития Евфросина Псковского» и его роли в дальнейшем развитии как агиографического жанра, так и всей древнерусской литературы. Безусловно, роль и значение древнерусской агиографии существенно шире только практических задач, указанных отдельными исследователями⁷. Так, «повествования некоторых агиографических памятников не могли не придавать им характер не только чтений для “душевной пользы”, не только исторических справок о чтимом святом, но и чтений, увлекающих читателя развитием перипетий, своими коллизиями, отражением в рассказе человеческих страстей и переживаний»⁸. В то же время вопрос о границе между художественным и нехудожественным, редко встающий перед исследователями новой литературы, весьма важен и сложен, когда речь идет о средневековой письменности. С одной стороны, значительная часть памятников древнерусской книжности обладает несомненными признаками литературности. С

другой – эта литературность не осознается в качестве самостоятельного феномена. Она «подчинена иным, внеэстетическим функциям: религиозно-экзегетической, дидактической...»⁹. У исследователей древнерусских литературных памятников вообще и агиографических в частности «угол зрения на литературу древнюю должен быть иным, чем применяемый к новой литературе»¹⁰, что, в свою очередь, ставит перед ними задачу выявить авторскую художественную «концепцию действительности»¹¹, ее характер и найти ей правильное объяснение, т. е. оценить значение жития как произведения литературного. Стоит она и перед настоящим исследованием.

Критическое исследование и осмысление агиографического наследия в нашей стране берут свое начало в середине XIX в., примерно тогда же началось и изучение «Жития Евфросина Псковского». Среди церковных писателей можно отметить работы А. Н. Муравьева «Жития святых Российской Церкви»¹² и архиепископа Черниговского Филарета (Гумилевского) «Русские святые, чтимые всею Церковью или местно»¹³. Обе работы представляют собой справочные издания, цель которых – нравоучительная миссия, однако второй автор более критичен к житийной литературе.

О Евфросине как духовном писателе упоминали в своих обзорных трудах митрополит Евгений (Болховитинов)¹⁴ и уже упомянутый архиепископ Филарет (Гумилевский)¹⁵. Отдельные замечания о «Житии» содержались в описании рукописных собраний. В 1864 г. «Житие Евфросина» в редакции псковского агиографа пресвитера Василия было издано в «Памятниках старинной русской литературы»¹⁶. Во вступлении к «Житию Евфросина» Василий ссылается как на свой основной источник на некое жизнеописание святого, созданное неизвестным автором до него, но до конца 60-х гг. XIX в. «Житие Евфросина» было известно только в редакции Василия.

Чуть раньше, в первой половине XIX столетия, началась разработка истории псковской церкви и духовенства в рамках сбора и обобщения фактического материала по общерусской церковной истории. Епископ Амвросий (Орнатский), автор обширного труда по истории российской иерархии¹⁷, собрал в одно целое весь известный и доступный ему материал по истории епархий, церквей и монастырей. Этот труд представляет сегодня небольшой научный интерес. Еще в начале XX в. он уже считался устаревшим, т. к. содержал много неточностей и ошибок. Однако современное издание седьмого

тома¹⁸, включающего в себя уставы российских монастыречначальников, исправленное и дополненное по различным критическим изданиям, имеет определенную научную ценность.

В последующие годы в продолжение работы, начатой епископом Амвросием, появилось немало трудов по русской церковной истории, в которых так или иначе затрагивались вопросы Псковской земли. Чаще всего псковский фактический материал в этих работах излагался иллюстративно при разборе вопросов общей истории. Среди этих трудов особое место занимают исследования митрополита Макария (Булгакова)¹⁹ и Е. Е. Голубинского²⁰. В этих обширных трудах по истории Русской Церкви нашлось место для нескольких тем из псковской церковной истории, по которым каждый из этих авторов старался высказать свое мнение. Среди этих тем особо следует упомянуть одну, имевшую непосредственное отношение к данному исследованию, – спор об аллилуйе и с ней в контексте освещение личности преподобного Евфросина и его «Жития». Однако мнение митрополита Макария по обозначенной теме несамостоятельно. Его выводы и соображения восприняты из исследования В. О. Ключевского, о котором мы скажем ниже. Все научные труды по истории Русской Церкви, которые по частным ее вопросам хоть как-то затрагивают тему диссертации, изданные до открытия и введения в научный оборот Первоначальной редакции «Жития Евфросина Псковского», не являются определяющими, т. к. исследования в них ведутся с учетом лишь Васильевской редакции, отличающейся от первой некоторыми существенными хронологическими изменениями.

В 1871 году вышел труд В. О. Ключевского «Древнерусские жития святых как исторический источник»²¹. Исследуя жития XII–XVII вв., В. О. Ключевский показал развитие русской агиографии. Он продемонстрировал методы научной историко-филологической критики житийных текстов, которые позволили установить верное соотношение между действительными событиями и позднейшими «наносными» преданиями, а также раскрыть литературные достоинства и недостатки многих житийных памятников. Ученый вводит в научный оборот и Первоначальную редакцию «Жития Евфросина Псковского», делая основные выводы об авторе, времени написания, отношении с Васильевской редакцией и т. п., на которые потом будут опираться все исследователи этого памятника литературы.

Труд В. О. Ключевского дал своеобразный толчок дальнейшим исследованиям агиографии. Н. П. Барсуков начинает составлять по возможности исчерпывающий справочник источников русской агиографии. Его труд выходит в свет в 1882 г. и включает около 700 имен подвижников²² (для сравнения, у Ключевского их 166), а в 1891 г. появляется аналогичный труд архимандрита Леонида²³. Н. П. Барсуков в своем исследовании указал 15 списков «Жития Евфросина Псковского» разных редакций²⁴.

Исследований, непосредственно относящихся к теме диссертации, кроме работы В. О. Ключевского, крайне мало. Труды И. Ф. Нильского и Е. Е. Голубинского раскрывают тему в свете старообрядческого раскола²⁵. Оба ученых сопоставляют Первоначальную редакцию «Жития Евфросина» с другим памятником древнерусской литературы – «Посланием к ктитору Афанасию»²⁶, схожим по однородности темы и по некоторым выражениям с Первоначальной редакцией. Е. Е. Голубинский настаивает на подложности «Жития» преподобного, утверждая, что оно сфабриковано сторонниками сугубой аллилуйи (это мнение поддерживает и П. С. Смирнов²⁷). Иной направленности труд В. Н. Малинина, который исследует литературную историю памятника в контексте более полного освящения жизни и трудов старца Елеазарова монастыря Филофея²⁸. В «Житии Евфросина» ученый уделил основное внимание датировкам тех или иных событий как в жизни основателя обители, так и в истории самого монастыря.

Наиболее полное исследование текста Первоначальной редакции «Жития Евфросина» проводит Н. И. Серебрянский в своих «Очерках по истории псковского монашества»²⁹. Им также была издана Первоначальная редакция «Жития» с предисловием, в котором он затронул некоторые проблемы изучения этого древнерусского памятника литературы. В «Очерках» ученый исследовал литературную историю «Жития Евфросина» на большом рукописном материале, рассмотрев в связи с вопросами биографии и творчества преподобного историю монастыря и религиозных споров об аллилуйе как в XV–XVI вв., так и в более позднее время. В приложениях к монографии Н. И. Серебрянский издал «Устав» Евфросина, а также «Похвалу преподобному Евфросину» из редакции Василия и часть текста «Жития Евфросина» с критическими замечаниями переписчика по рукописи из собрания Священного Синода под № 1230. Пожалуй, это единственный труд

по теме исследования, который отличается скрупулезностью подбора материала и критическим подходом к источникам. Однако и в нем встречаются не только неточности, но и противоречия, которые будут рассмотрены непосредственно в тексте работы. Некоторые выводы Н. И. Серебрянского также нуждаются в корректировке с учетом современных научных достижений. Сочинениями этих авторов ограничивается перечень научных работ по поставленной теме. Высказывания других ученых по данному вопросу, к примеру И. С. Некрасова³⁰, не представляют собой ничего нового – они лишь повторяют выводы уже названных исследователей. После Н. И. Серебрянского рукописная традиция «Жития Евфросина Псковского», как и литературная история текста, не были предметом специального исследования вплоть до настоящего времени.

Среди современных исследователей, обращавшихся к «Житию Евфросина Псковского», можно отметить Т. М. Бойнову. Она защитила диссертацию по лингвистике, посвященную изучению системы форм словоизменения языка и выяснению языковой ориентации первоначальной редакции³¹. Т. В. Круглова в своем историческом исследовании по средневековому периоду Церкви в Пскове³², затрагивая вскользь поставленную тему, делает совершенно противоречащие всем предыдущим исследованиям этого вопроса выводы, причем совершенно не обосновывая их. Другие современные авторы не останавливаются так подробно на поставленной теме, а если и затрагивают ее, то пользуются вышеназванными исследованиями.

Только один труд выделяется своей значимостью и широтой привлеченных к исследованию «Жития Евфросина» материалов – это многолетние исследования псковской ученой В. И. Охотниковой, посвященные в основном текстологии и археографии изучаемого памятника³³. Однако с некоторыми выводами автора согласиться довольно сложно. Разберем особо спорные выводы ученого, чтобы не включать громоздкую полемику непосредственно в текст представленного исследования.

Во-первых, В. И. Охотникова, проанализировав текст Первоначальной редакции «Жития Евфросина», приходит к заключению, что «существовало два произведения, написанных одним и тем же автором, которые он сам различает как Житие и Повесть. Одно из них – Житие – не сохранилось, его состав и содержание можно восстановить в самых общих чертах»³⁴. Аргументируя свой вывод, современная исследователь-

ница указывает на то, что сам автор Первоначальной редакции не воспринимал свое сочинение как житие. На протяжении всего текста он неоднократно называет его то «повестью», то «беседой», то «словом», то «сказанием», а то и «житием», хотя и реже³⁵. Однако древнерусский автор вряд ли отдавал себе отчет в разграничении смыслового значения слова «житие» (или «повесть») для описания жанровой специфики своего труда. Это легко можно увидеть на примере других памятников древнерусской литературы, предшествовавших Первоначальной редакции. Так, Епифаний Премудрый в «Житии Сергия Радонежского» именует свой труд не только «житием» в смысле «жизнеописания» («толико лет минуло, а житие его не писано... аз, окаанный и всedrзьый, дрзьнух на сие», «еже в житии его» и др.³⁶), но наравне с ним и даже чаще – «повестью» («како убо таковую, и толикую, и неудобь исповедимую повемь повесть», «начинающу ми начинание и ко ей же устремихся сказания повести», «боюся усумняся прикоснутися повести», «повесть чинити», «положити начало повести», «к подлежащей повести» и др.³⁷), а также – «беседой» («довлеет беседа», «подлежащая беседа», «имемся по беседу» и др.³⁸), «сказанием» («таковому сказанию»³⁹), «словом» («начнем же уже основу слова»⁴⁰), «писанием» («возвестити писаниемь»⁴¹). Даже названия некоторых житий, не говоря уже об авторском определении жанра непосредственно в тексте, мало соответствуют (согласно В. И. Охотниковой) тому жанру, в котором они написаны: «Слово о житии и учении святого отца нашего Стефана, бывшего в Перми епископа»⁴², «Слово об Антонии черноризце, бывшем в Руси основателе Печерского монастыря»⁴³, «Повесть о Петре, царевиче ордынском»⁴⁴, «Повесть о житии Александра Невского»⁴⁵ и др. К сожалению, в большинстве случаев средневековый автор не стремился к строгому определению жанра собственного произведения⁴⁶, поэтому попытаться определить по авторским ремаркам в тексте, в каком жанре он видел свое произведение, если нет на то прямых его указаний, – задача крайне сложная.

В Первоначальной редакции «Жития Евфросина» встречаются авторские комментарии о том, как автор работал над своим произведением. Эти авторские замечания еще раз убеждают В. И. Охотникову в правоте ее вывода, что автор Первоначальной редакции сначала написал неизвестное нам Житие, а затем уже исследуемый памятник. Приведем их: «сие же чудо и преднаписах въ житьи святого и поставих и в ряду чудес, по-

неже бо тамо паче нечто мало не исправих, не поберегох бо дострочно испытуя сказателя, и сего ради здесь паче исполних исправления мере и поставих в ряду бываемое сице» (67 об.), «сице же убо слышасте начало и конець святого, якоже преднаписах о нем в житии его» (71 об.), «Елма пръвое в начале, егда наченшу ми писати яже по ряду житье преподобнаго, како родися от благочестиву родителу и како възпитанъ бысть в добре наказании и како възрасте в чистоте и целомудрии в съвершена мужа от пелень своих въ страсе Божии, сице же егда приидох словом к повести онои, како ходи бе в юности своєї премудрый Елиозаръ къ царюграду...» (л. 86–86 об.) и др. Н. И. Серебрянский эти авторские замечания относил к черновым заметкам, говоря о подготовительном этапе работы над исследуемым памятником. Доводы ученого хоть и имеют предположительный характер, но вполне обоснованны и взвешенны⁴⁷. В отличие от выводов Н. И. Серебрянского, выводы В. И. Охотниковой не столь убедительны. Не комментируя рассуждений Н. И. Серебрянского, о чем она сообщает особо⁴⁸, В. И. Охотникова утверждает, что «из поля зрения ученого выпала фраза, пожалуй, более всего убеждающая в том, что до (Первоначальной редакции) этим же автором было написано Житие Евфросина: «сице же убо слышасте начало и конець святого, якоже преднаписах о нем в житии его»»⁴⁹. Однако это замечание древнего писателя можно понять и не так, как хочет того исследовательница. Для адекватного истолкования текста необходимо соблюдение ряда герменевтических правил. Одним из таких правил интерпретации древнерусских памятников является «разграничение генезиса и функции», т. е. тот или иной мотив, образ, эпизод, сюжет должен определяться не по своему происхождению, а по функции в тексте⁵⁰. Функция разбираемого высказывания приобретает иной смысл, если учитывать его положение в общей композиции произведения. Так, автор Первоначальной редакции завершает этой фразой рассказ о кончине Евфросина, тем самым подводя черту под повествованием о жизни святого. Далее в тексте памятника следует похвала святому и умаление себя автором. Это вполне соответствует требованиям агиографического жанра, согласно которому далее должно идти описание чудес. И действительно, автор приступает к раскрытию своих сонных видений, в которых вновь (как бы вынужденно) возвращается к описанию жизни преподобного в обители. Хотя он еще и не относит видения к чудесам, последующие редакторы (начиная с Василия)

уже включают их в счет чудес. В таком повороте сюжета можно увидеть определенную авторскую задумку. Этот авторский композиционный замысел в сочетании с процитированной (итоговой) фразой после кончины преподобного скорее убеждает читателя в истинности видений первому писателю, уже написавшему о святом, как ему казалось, все и вдруг узнавшему еще дополнительные биографические факты.

Следующий аргумент В. И. Охотниковой о двух произведениях неизвестного автора разбивается о композиционную структуру Первоначальной редакции. Так, исследовательница утверждает, хоть и с оговоркой о трудности доказать, следующее: в неизвестном «Житии» автор «работал над эпизодами... в их хронологической последовательности»⁵¹. Логически это вполне обоснованно — как же еще мог работать автор над жизнеописанием человека, если не в хронологической последовательности. Авторские заметки о работе над своим произведением даже позволяют исследовательнице выстроить эту хронологию. Однако если считать, что эти заметки относятся не к черновикам произведения, как предполагал Н. И. Серебрянский, а к написанному ранее Житию, как предполагает В. И. Охотникова, то в последовательность жизни Евфросина вкрадывается недопустимая ошибка, противоречащая как автору Первоначальной редакции, так и самому Евфросину. Согласно предположению В. И. Охотниковой, чудо о Кононе, входящее в состав Первоначальной редакции, было описано и в неизвестном «Житии» того же автора. В Первоначальной редакции оно было исправлено и дополнено, о чем свидетельствует авторский текст: «Сие же чудо и преднаписах въ житии святаго и поставих и в ряду чудес, понеже бо тамо паче нечто мало не исправих, не поберегох бо дострочно испытуя сказателя, и сего ради здесь паче исполних исправления мере и поставих в ряду бываемое сие» (л. 67 об.). Согласно дальнейшему повествованию, с одной стороны, и предположению современной исследовательницы, с другой, автор прерывает работу над неизвестным Житием на эпизоде путешествия Евфросина в Царьград: «Елма пръвое в начале, егда наченшу ми писати яже по ряду житъе преподобнаго, како родися от благочестиву родителу и како възпитанъ бысть в добре наказании и како възрасте в чистоте и целомудрии в съвершена мужа от пелень своих въ страсе Божии, сие же егда придох словом к повести оной, како ходи бе в юности своєї премудрыи Елиозарь къ Царюграду на възпросъ па-

триарху пресвятаго ради и божественаго алилуѣа, и тоиже паче двоити повеле ему, мне же малоумну сушу и зело паче скуду разумомь и недоуменнемь о вещи обиау; како напишу и слово изнесу от божественной тайне неисследимое смотрение Вседръжителя и како досягу немеримую глубину пресвята алилуѣа умными помыслы, понеже неведущу ми нима мало искуса о вещи. Сего ради начах скорбети и печалити и святаго призывати на помощь мою, да милость Бога вразумити мя о вещи неведения моего и уцеломудрити на виновная. И бех егда в глубине уныния и великое недоумение постиже мя, и умное ми парение души моеа не действует, и слово мое не вяжется, и беседы тръжество житье святаго многоценный поставъ не тчет ми ся, и духовное злато не точится и не плететь ми ся, но яко въ многая паче размысления рассеами ся действо умное божественаго ради алилуѣа, но паче и сицевая мыслити начах: ть аще не избрашу о тайне искомаго, ть уже паче сего ради житие святаго не иматъ мною съвършитися» (л. 86–87 об.). Если сопоставить чудо о Кононе с вышеприведенным отрывком, то получится вполне логичная картина, о которой и пишет В. И. Охотникова: «Рассказ о хождении в Царьград в (неизвестном) Житии стоял после описания чудес, то есть хождение в Царьград относилось к монастырскому периоду жизни, а не к юности Евфросина»⁵². Но в приведенном отрывке о посетивших автора сомнениях подчеркивается: «...како ходи бе в юности своеи премудрыи Елиозарь къ царюграду» (л. 86 об.). Автор использует здесь даже мирское имя преподобного, чтобы подчеркнуть время хождения — до принятия иноческого пострига, а в рассказе самого Евфросина о путешествии в Константинополь ясно указано даже время, когда он там был: «...еще бо ми унну зело и не мниху сушу, и помышляя, молящися, глаголахъ въ сердци своемь: Господи Иисусе Христе, настави умь мой в разумь истины, да увемь известно, кая уста приатно благословляют имя Твое свершеное единосущнаго въ Троице без пороха въ Божестве и въ человечестве, кая ли суть уста приатнее, двоащаа ли пресвятая алилуѣа, или троащая, кое угодно есть пред Тобою, Господи Боже мой Иисусе Христе, Слово Сыне Единосущны и Безсмертны Отцю и Духови. И сетовах о семь болезнено пред Богом и много вопрошах от церьковныа чади старейших мене о велицей тои вещи, и никто же възможе тайны сеа протолковати ми на полезне ко благочестию; сами бо тогда волняхуся о божественомь томъ любомудрии и великъ

раскол влагаючи посреди Христовы Церкви, овемь бо дво-
ящи, а овем троящим пресвятая алилугия. И видех нестрое-
ние церковное и великое разногласие посреди чади священ-
ныя и сего ради не могах стръпети възмущению неприазнену,
сия же видех и слышах, но паче зело убояхся от самогласиа
вещи сия, и не вемы аз, кое есть годе Богу и лучшее ми есть
ко благочестию изберу: двою ли глаголю или трою пресвя-
тая алилугия; о семь же не домыслих и не видех что сътвори-
ти. Но паче ведех, яко от Костянтина града просветилася есть
святеть крещением виликая Руская Земля наша, отгуду же и
вера въ Христа и законъ церковны, тако же и уставъ изложи-
ся православному пению въ всю подсолнечную и в конци все-
ленныя христьянъствующим непорочно в новей благодати за-
коне Христове. И таже сицы веды, умыслих лучшее и наипа-
че устремихся ко царствующему граду, възхотех бо видети и
слышати моима очима и ушима чина церковнаго, да извест-
ное и увемы испытаячи и истинну от патриарха от пресвятеи
Божии алилугии, таже и вижу купно поющаго клироса Все-
леньскыя Церкви, да разумею, коим образом възпевают славу
Божию, животворящее Слово Христа, троити ли или двоить
вселеньская церкви пресвятую алилугию, да увемы уставны
обычай Божиа алилугиа, да извещу собе паче моих слухом и
видением, и семи на искусь буди и на велику ползу, и темь
уверюся, отгуду же и образ возму про священныя вещи пресвя-
тыа алилугии; егда двоить вселеньская церкви, то уже паче и
аз удвою, да ли егда троит, то и аз утрою. И Божею благода-
тью и его вемы неизреченными судбами бых в Костянтинове
граде в добрую пору, задлъго до взятиа богохранимаго царя-
града от поганого бусурменина турьскаго. Бых же во царство
благочестиваго царя Кальянина и при освященной пастве па-
триарха Иосифа, тому бо тогда престоль дръжашу Вселень-
скыя Церкви Софиа Божиа Премудрости» (л. 34 об.—36). Так-
же описывая свое бедственное положение и прося новгород-
ского архиепископа Евфимия заступиться за него, Евфросин
в послании к нему ясно указывает на время, когда он начал
двоить алилуию и почему: «...мне же обычай есть от юности
двоити божественая алилугия, а не троити сице, яко же они
творят (...) Но аз не от своего обычая проумел есть двоити бо-
жественая алилугия, но паче от вселеньскыя церькви взях сия
и навыкох ю тако глаголати. Того бо ради бых въ Цареграде,
но еще бых в добрую пору, еще не убо обладан тогда богохра-
нимыи Костянтиновъ град от поганых безсермень; но бых в

самыи благодатьны цвет и въ время всекрасныа тишины нерушимыа веры въ Христа и мироблагоуханного тогда благочестиа изобиловах душу мою. Таже приахъ от патриарха, купно же и от всего клироса вселеньскыа церкви, божественаго того гобъзованиа непорочень плод дважды глаголати пресвятая алилугия» (л. 49–49 об.).

Автор Первоначальной редакции не мог противоречить сам себе, написав сначала неизвестное Житие с одной хронологией событий, а затем Первоначальную редакцию, но уже с другой, как утверждает В. И. Охотникова. Если и существовало какое-либо произведение того же автора, о котором мы можем догадываться, то только черновые записи, часть из которых (если не все) послужили основой Первоначальной редакции.

Еще одно противоречие можно увидеть в выводе В. И. Охотниковой о наличии неизвестного Жития. Так, первый списатель, описывая жизнь преподобного в неизвестном нам Житии, довел свое повествование до путешествия в Царьград (согласно тексту Первоначальной редакции: «...тъ уже паче сего ради житие святаго не имать мною съвръшиться» (87 об.), полную цитату см. выше). И в то же время в тексте встречается авторская фраза: «...сице же убо слышаште начало и конецъ святаго, якоже преднаписах о нем в житии его» (л. 71 об.), т. е. неизвестное Житие было написано автором до смерти преподобного. Как состыковать эти два противоречащих момента, В. И. Охотникова, к сожалению, не объясняет. Скорее наоборот, она еще более запутывает читателя, когда вдруг сообщает без каких-либо предварительных комментариев следующее: «Мы полагаем, что до ⟨Первоначальной редакции⟩ могли быть созданы две (sic!) редакции Жития Евфросина»⁵³. Автором одной из них исследовательница считает самого игумена Памфила, другой – видимо, автора Первоначальной редакции, о котором, неизвестно, дописал ли он Житие преподобного, но «отдельные части Жития Евфросина были им написаны»⁵⁴, с уверенностью заключает исследовательница. Трудно принять во внимание это высказывание и дать какие-либо комментарии к нему в силу его крайней гипотетичности.

Разбирая вторую Васильевскую редакцию «Жития Евфросина», современная исследовательница ставит вопрос об источнике (а точнее, источниках) Васильевской редакции в контексте своего поиска неизвестного «Жития Евфросина». В частности, она считает, что слова Василия, написанные им в предисловии про использованный источник («некако и смут-

но, ово зде и ово инде, и на многа части глаголана бяху чудодействия святаго»⁵⁵), «удивительно точно характеризуют особенности композиции»⁵⁶ Первоначальной редакции, «однако только характеристики композиции недостаточно для утверждения, что источником Василия была именно Повесть об аллилуйе (т. е. Первоначальная редакция. — М. П.), а не другое произведение, близкое по содержанию и тексту»⁵⁷. Но скорее именно указание Василия на разброс биографических сведений «ово зде ово инде» является главным доказательством отсутствия другого источника, т. к. если бы он существовал, то незачем было бы использовать столь некачественную Первоначальную редакцию, жалуясь на недобросовестного автора будущему читателю.

Во введении к изучению литературной истории «Жития Евфросина Псковского», подводя итог историографическому обзору, В. И. Охотникова пишет: «Позволю напомнить основные выводы о литературной истории текста Жития Евфросина, которые содержатся в работах В. О. Ключевского, В. Малягина, Н. И. Серебрянского, на работы именно этих ученых опираются все исследователи, обращающиеся к тексту Жития Евфросина»⁵⁸. Но через абзац от этой фразы В. И. Охотникова сообщает следующее: «Биографические сведения о Евфросине, разбросанные в тексте Первоначальной редакции... Василий разместил в хронологическом порядке»⁵⁹. Ни у одного из перечисленных ею ученых не содержится такого вывода. Это утверждение В. И. Охотниковой — ее личный вывод, который, к сожалению, не доказан ею, но проводится с завидной настойчивостью⁶⁰. Почему? Потому что на нем зиждется постулат доказательства существования общего протографа Первоначальной, Васильевской и нескольких других редакций «Жития». Стараясь найти этот невиданный протограф, который, по мнению ученого, отразился на Васильевской редакции, В. И. Охотникова проводит сравнительные анализы эпизодов Первоначальной редакции и редакции Василия, пытается найти те отличия, которые могли бы доказать существование неизвестного «Жития», повлиявшего на редакцию псковского агиографа. Однако выводом к этим действиям исследовательницы служит фраза о том, что однозначного ответа на вопрос о восхождении текста Василия к неизвестному нам «Житию» — нет⁶¹.

Следующим немаловажным аргументом в приведенных В. И. Охотниковой доказательствах существования не-

известного «Жития» первого писателя является упоминание Василием о посаднике Афанасии⁶². Василием он упоминается в новой по отношению к Первоначальной редакции главе «О умножении брашен» (Син. 634, л. 67 об.—70 об.). Это исторически точное наименование посадника убеждает В. И. Охотникову в том, что «описание истории о умножении брашен принадлежит не Василию, не он составил этот рассказ»⁶³. «Василий был не склонен разыскивать редкие известия о героях своих произведений, — пишет исследовательница, — он не склонен к кропотливой работе... Значит эти сведения содержались в одном из источников, к которым обращался Василий»⁶⁴. В Первоначальной редакции этот эпизод вообще отсутствует, у Василия же, кроме имени посадника, в этом рассказе нет другого фактического материала, он этикетен. Остается выяснить, где (или у кого) Василий мог узнать об одном из благодетелей Евфросинова монастыря, жившем на сто лет раньше написания Васильевской редакции? Если бы обитель Евфросина была обычным древнерусским монастырем, то выяснить имя посадника без «кропотливой работы исследователя» было бы практически невозможно. Однако с середины XV столетия и до последнего его десятилетия Евфросинова обитель была игнорируема большинством псковского общества. Синодик монастыря был практически пуст в это время существования обители. Каждый, кто хоть как-то проявлял любовь к монастырю, был на счету у братии, а уж тем более если это был псковский посадник. Таким образом, имя Афанасия «лежало на поверхности», его не надо было искать, роясь в летописях и хрониках. Оно вполне могло быть занесено в монастырский синодик на первых его страницах в качестве ктитора «святых обители сия» (пожалуй, единственного в это время: 1448—1472 гг.).

Другие доказательства В. И. Охотниковой о вероятном использовании Василием неизвестного нам «Жития» первого писателя не представляют серьезных аргументов и носят скорее характер размышлений и предположений.

Для доказательства своей точки зрения современная исследовательница привлекает также и несколько кратких (проложных) «Житий Евфросина». Имеющиеся возражения на эти догадки ученого помещены непосредственно в тексте диссертации по причине их малого объема.

Таким образом, завершая историографический обзор, можно сделать вывод о том, что крайне узкий круг ученых зани-

мался изучением «Жития Евфросина Псковского». Однако среди обращавшихся к литературоведческому исследованию этого памятника древнерусской письменности еще меньше тех, чьи труды заслуживают пристального внимания (В. О. Ключевский, Н. И. Серебрянский, В. И. Охотникова). Вопросы же герменевтического исследования Первоначальной редакции «Жития», его художественной семантики и жанровой специфики были не только не разрешены в предыдущих исследованиях, но даже и не подняты. Заполнить эту лауну и призвано данное исследование.

Часть I

ЛИТЕРАТУРНАЯ ИСТОРИЯ «ЖИТИЯ ЕВФРОСИНА ПСКОВСКОГО» В ДРЕВНЕРУССКОЙ КНИЖНОЙ ТРАДИЦИИ, ЕГО ПОЭТИКА И СЕМАНТИКА

§ 1. Первоначальная редакция «Жития Евфросина Псковского»

1.1. К вопросу об истории открытия рукописи Первоначальной редакции «Жития Евфросина Псковского»

Рассматривая литературную историю «Жития Евфросина Псковского», легко заметить его большую распространенность в значительном количестве сохранившихся списков. Но все они принадлежат к редакции, написанной псковским пресвитером Василием (в иночестве Варлаамом) около 1550 г. по просьбе братии основанного преподобным Евфросином монастыря. Именно в этом произведении псковского агиографа мы находим единственное упоминание о существовании еще одного сочинения о Евфросине, которое послужило главным источником для Василия в его работе над «Житием». В предисловии к своему труду пресвитер Василий упоминает о некоем списке «Жития Евфросина», составленном каким-то (в то время уже забытым) писателем: «Всячески преписати попекийся, елико постигну, еже о нем (Евфросине. – М. П.) преже нас написана быша труды его, и хождение, и чудодействие некоем писателем, о имени его писание не изъяви некако, и смутно, ово zde и ово инде, и на многа части глаголана бяху чудодействия святаго...»⁶⁵.

Упомянутое пресвитером Василием сочинение было обнаружено лишь в 60-х гг. XIX в. Большинство ученых, изучавших это сочинение, приписывают его открытие исключительно Василию Осиповичу Ключевскому⁶⁶. Однако это утверждение можно оспорить. Открытая рукопись оказалась самой ранней из известных на сегодняшний день редакций «Жития Евфросина Псковского» (будем называть ее Первоначальной⁶⁷), сохранившейся в единственном списке (РГБ, собр. Ундольского, № 306, первая половина XVI века). В XIX веке она была скопирована по заказу известного собирателя древностей Алексея Ивановича Хлудова (ГИМ, собр. Хлудова, № 207). По наблюдению В. И. Охотниковой, А. Н. Попов, описавший собрание рукописей А. И. Хлудова⁶⁸, установил, что рукопись № 207 является копией древнейшего списка «Жития», а не сочинения Василия-Варлаама, и указал этот древний список еще до появления книги В. О. Ключевского «Древнерусские жития святых как исторический источник»⁶⁹. Также за год до выхода знаменитого исследования увидело свет описание В. М. Ундольским своего собственного собрания⁷⁰, где и обнаружил первоначальную редакцию «Жития» В. О. Ключевский. Таким образом, однозначно сказать, кто был первооткрывателем Первоначальной редакции, нельзя. Вероятнее всего, им был сам владелец собрания – Вукол Михайлович Ундольский, составивший описание своей коллекции⁷¹. Он скончался в 1864 г., а его описание было подготовлено к печати и выпущено А. Е. Викторовым спустя шесть лет после смерти автора. Описывая свое собрание, В. М. Ундольский особо отметил в нем найденную редакцию «Жития» и подчеркнул важность своей находки: «Рукопись весьма замечательная и чрезвычайно редкая – *albis corvis rarior*»⁷². Впрочем, первооткрывателем рукописи мог быть и А. Н. Попов, описавший собрание Хлудова, который, как и В. О. Ключевский, отметил, что обнаруженная редакция могла быть именно тем писанием, которое использовал пресвитер Василий.

Таким образом, открытая в 1860-е гг. рукопись Первоначальной редакции «Жития Евфросина Псковского» была оценена специалистами как чрезвычайно редкий памятник средневековой литературы⁷³. А. С. Архангельский даже предлагал внести Первоначальную редакцию «Жития» в учебный курс «Истории древнерусской литературы» как памятник, «необычайно ярко рисующий умственное настроение той эпохи, крайне своеобразный склад религиозных понятий большинства тогдашних книжников»⁷⁴.

1.2. Палеография рукописи Первоначальной редакции «Жития Евфросина Псковского»

Рукопись (РГБ, ф. 310, собр. Ундольского, № 306) представляет собой небольшую (18,2 на 13,5 см) в 4° хорошо сохранившуюся книгу в изящном темно-коричневом кожаном переплете с тиснением. Имеются остатки двух медных застежек, одна из которых оборвана. Переплет сравнительно поздней работы, реставрированный. Вверху и внизу по переплету вязью выведено: «Книга г(лаго)лемая».

Рукопись содержит 117 листов. Бумага местами повреждена жучком, подпорчена плесенью. При переплете рукопись была обрезана, плохо сохранившиеся листы подклеены (л. 86, 94, 110, 116). Лист 86 заклеен такой же бумагой, на которой написана рукопись. Лист 113 подклеен к основному блоку книги полоской бумаги (шириной 1,8–2 см) более позднего времени с фрагментами водяного знака «кувшин» (см. ниже). Лист 114 подклеен бумагой, на которой также прослеживаются фрагменты водяного знака «кувшин». Основная бумага блока пожелтела и местами загрязнена. Остались следы чтения рукописи: воск и поправки читателя, который обычно дописывал опущенную в конце слова надстрочную букву. От свечи некоторые места прожжены (см., напр., л. 23, 87).

По нумерации листов можно предположить, что рукопись входила раньше в состав какого-то сборника: наряду с нумерацией от 1 до 117 есть и другая. Она начинается с 4-го листа: 273; на 2-м и 3-м листах прежняя нумерация соскоблена, но видны ее следы (на 3-м листе, например). Так как при переплете рукопись обрезали, то в листах 307, 308, 347–350, 380 нет последних цифр, а от нумерации листов 379, 381, 382 осталась только цифра 3.

Основная бумага рукописи имеет следующие водяные знаки: «щит» – л. 3–40 (а именно: л. 3, 4, 6, 9, 12, 14, 16, 18, 20, 23, 27, 28, 29, 30, 33, 35, 38, 40) – типа Брике 1818 (1522 г.), а также (без привески) типа Брике 1707 (1527 г.); «перчатка» – л. 43–117 (а именно: л. 43, 44, 45, 46, 50, 51, 54, 55, 58, 60, 69, 61, 63, 65, 68, 72, 73, 75, 78, 80, 81, 82, 87, 88, 91, 94, 92, 93, 98, 100, 101, 103, 105, 107, 110, 112, 115, 116, 117) – Piccard⁷⁵ 1181 (1533 г., Danzig, Elbing), Piccard 1183 (1535 г., Ronneburg (Livl), Weinsel (Livl))⁷⁶; «кувшин» – подклейки к л. 113, 114, 115 (внешнее поле) – не ранее конца XVI – начала XVII в.

Рукопись написана полууставом среднего размера – высота строчных букв 3–4 мм. Полуустав одного почерка. Происходит смена чернил, пера и характера почерка на л. 37 об. и л. 38, но писец один и тот же (ср. выше смену бумаги между л. 40 и 43).

Киноварью выполнены: заголовок (л. 1), первая строка которого выведена вязью, тонкие киноварные инициалы (л. 108, 112, 376, 381), текст заголовков описания чудес и послания Евфросина к троицкому духовенству полууставом (л. 108, 13; л. 112, 7; л. 379, 14–20). Текст после заглавий написан с прописной буквы и также киноварью. Показатель вязи заголовка – ок. 3 (отношение высоты к ширине буквы)⁷⁷, употребляется дробление мачтовых лигатур (для XVI в. – типичная черта псковской каллиграфической школы), подчинение, соподчинение, элементы штамбовки.

На л. 117 об. приписка скорописью XVII в.: «Прода(л) сія те(т)раті Евфре(му) / Кры(л)ошані(ну) поморе(ц) / и(з) Ка(р)гополя» (владельческая запись). Эту нечетко прописанную скоропись Н. И. Серебрянский прочитал следующим образом: «Прода(л) с(я) тетрати Евфрем Крылошанин поморец из Каргополя»⁷⁸. Такое прочтение за ним повторили и все последующие исследователи рукописи. Однако первое прочтение нам кажется более логичным. Обычно такая надпись была призвана отметить не предыдущего владельца рукописи, а нового. В самом низу этого листа полууставом, киноварью написано: «По милости». Некоторые особенности истории бытования изучаемой рукописи можно проследить на основании данных, содержащихся в этой приписке XVII в., однако такая задача перед настоящим исследованием не стоит.

Делая выводы из проведенного палеографического анализа, выделим следующие моменты. Во-первых, в создании исследуемой рукописи существовал перерыв, который мог составлять от нескольких месяцев до несколько лет. Об этом перерыве свидетельствует, помимо смены характера почерка между л. 37 об. и 38 (см. выше), смена бумаги. Сначала использовалась бумага, изготовленная в 20-е гг. XVI в., затем была использована бумага производства 1533–1535 гг., сделанная на территории Литвы или Польши. Можно предположить, что работа над рукописью была начата приблизительно в конце 20-х – начале 30-х гг. XVI в., затем прервана (было написано меньше трети рукописи) и продолжена не ранее середины 30-х годов XVI века. Трудно сказать, сколько длился перерыв в работе и чем он был вызван. Одной из причин такого пере-

рыва могло стать отсутствие бумаги. Писец, истратив весь запас старой бумаги (сделанной в 20-е годы XVI века), вынужден был прервать свою работу и ждать новой. Если это предположение верно, то сама рукопись была написана не ранее середины 30-х гг. XVI в., т. к. вторая партия бумаги, изготовленная в 1533–1535 гг., должна была быть относительно новой, т. е. не залежалой. Однако, возможно, были и другие причины перерыва. Изменение характера почерка писца и разрыв в датах производства бумаги могут свидетельствовать и о более длительном перерыве, составившем не несколько месяцев, как если бы переписчик ждал бумагу, а несколько лет. Подклейка последних листов рукописи бумагой XVII века может быть современна моменту покупки-продажи рукописи, засвидетельствованной в приписке, сделанной почерком XVII в.

Во-вторых, можно с уверенностью сказать, что над рукописью трудился профессиональный писец, владевший приемами каллиграфии (использование вязи, оформление текста тонкими киноварными инициалами) и получивший навыки профессионального писца, характерные для псковской каллиграфической школы XVI в. О псковском происхождении писца или, что менее вероятно, о псковском происхождении протографа рукописи свидетельствуют, помимо палеографических особенностей, некоторые особенности языка рукописи, а именно — мена *я/е* (чаще всего в позиции заударного, последнего слога) и шоканье (смешение, или, другими словами, мена *з/ж* и *с/ш*)⁷⁹.

На основании имеющихся данных можно заключить, что рукопись создавалась и окончательно была завершена в Псковской земле (или выходцем из Псковской земли) в середине 30-х гг. XVI в. Таким выводом уточняется датировка палеографического анализа, проведенного Т. М. Бойновой⁸⁰, согласно которому исследуемый памятник датировался концом 10-х – 20-ми гг. XVI в. В своем исследовании Т. М. Бойнова ошибалась и в том, что ассоциировала изучаемую рукопись с самим памятником, утверждая, что время возникновения Первоначальной редакции «Жития» соответствует времени возникновения рукописи⁸¹. И хотя точная дата написания Первоначальной редакции «Жития Евфросина» неизвестна, В. О. Ключевский⁸², а за ним и все последующие исследователи, указывали на 1510 г. как верхнюю границу написания памятника. Таким образом, можно сделать вывод: исследуемая нами рукопись — лишь список с протографа, который был написан до 1510 г.

1.3. *Время, цель и причины создания Первоначальной редакции «Жития Евфросина Псковского»*

Верхняя граница написания «Жития» определяется по косвенным признакам исходя из текста Первоначальной редакции. В рукописи есть упоминание о Пскове как земле свободной: «Слыши же убо, паче слыши и зело внемли, христолюбивы граде Пскове, земля свободная» (л. 73 об.). Из Псковской 3-й летописи (Строевский список) известно, что независимость Пскова закончилась с приездом 24 января 1510 г. в Псков великого князя Василия Ивановича, который «и обычен псковской переменяль, и старину порушил»⁸³. Однако позже, в работе «Псковские споры»⁸⁴, Ключевский пересмотрел эту дату, указав, что житие «написано при игумене Памфиле и архиепископе Геннадии... в конце XV или в самом начале XVI века, не позже 1504 года»⁸⁵. Такого же мнения о датировке памятника был В. Н. Малинин. По его предположению, житие было написано с благословения архиепископа Геннадия Новгородского (управлял кафедрой с 1484 по 1504 г.) по инициативе игумена Памфила с целью местной канонизации Евфросина и не позже 1504 г.⁸⁶

Однако против этих утверждений В. Н. Малинина (как о сроках возникновения, так и о его причине) выступают Н. И. Серебрянский и Е. Е. Голубинский. Второй ученый отрицает причастность архиепископа Геннадия к Первоначальной редакции «Жития», ссылаясь на отсутствие в нем указаний на архипастырское благословение оной⁸⁷. Но такое указание есть во второй редакции, написанной пресвитером Василием: «Панфилие же игумен поведя, образ святого отца како обретен бысть во израсцех оного живописца, о нем же преди сказахом, и о добродетелном житии блаженнаго отца, и о чудесех, при животе его бывших, архиепископу Великаго Новогграда и Пскова владыке Геннадию. Архиепископ же повеле игумену Панфилию образ святого отца на иконе написати и житие изложити»⁸⁸.

Историческую достоверность этого примечания второго списателя Е. Е. Голубинский без какого-либо основания отрицает, называя ее «припиской самого Василия»⁸⁹. В защиту псковского пресвитера скажем, что Василий писал это со слов тех елезаровских монахов, которые вполне могли присутствовать при благословении, данном игумену архиепископом. Так, например, этим монахом мог быть инок Маркел. При написа-

нии своей редакции «Жития Евфросина» Василий «обретох некоего инока, Маркела именем, по Бозе житие живша, 50 лет имуща в чернеческих исправлении, пострижение имуща аггельского образа в преподобнаго обители от ученика его именем Памфилия»⁹⁰. То есть Маркел был пострижен в монахи в конце XV в. игуменом Памфилом и вполне мог знать о благословении архиепископа или даже присутствовать при нем. В целом же Е. Е. Голубинский склоняется к более раннему сроку написания «Жития» — конец XV в., правда, никак не обосновывая свою догадку⁹¹.

Н. И. Серебрянский делает предположение о существовании какого-то другого «Жития Евфросина», о котором иноки говорили Василию и которое было написано по благословению архиепископа Геннадия. Для доказательства этого предположения Н. И. Серебрянский приводит лишь тот факт, что Василий ни при упоминании о благословении Геннадия, «ни в предисловии к житию, при характеристике своего письменного источника, не говорит, чтобы его замечание относилось к этой (исследуемой нами: Унд. № 306. — М. П.) редакции жития»⁹². Но именно это молчание Василия, на наш взгляд, свидетельствует скорее об обратном: существовала только одна редакция, о которой он вспоминает в начале своего труда. В противном случае, при существовании двух редакций, он, во-первых, непременно воспользовался бы ею как дополнительным источником (однако это утверждение опровергнуто у Н. И. Серебрянского несколькими страницами ранее предположения, а также в предисловии к изданию первоначальной редакции, со ссылками на В. О. Ключевского и митрополита Макария (Булгакова)⁹³), во-вторых, Василий не мог не пояснить (если бы редакций было две), к какой из них относится его указание⁹⁴.

Что же касается причины написания памятника, то Н. И. Серебрянский находит ее не в канонизации святого, как В. Н. Малинин, а в спорах из-за аллилуйи⁹⁵. С этим утверждением Н. И. Серебрянского трудно не согласиться, тем более что об этом свидетельствует и само построение произведения, отличное от общепринятого⁹⁶. Подтверждая эту догадку, В. И. Охотникова отказывается называть Первоначальную редакцию «Жития Евфросина» житием, а именует лишь «Повестью об аллилуйи»⁹⁷.

И действительно, текст Первоначальной редакции, на первый взгляд, мало похож на традиционное житие препо-

добного подвижника, это скорее история споров об аллилуйе, цель которой, во-первых, снять подозрение в еретичестве с одного из их участников (Евфросина), во-вторых, убедить читателя в правильности одного из двух способов возгласия аллилуйи (сугубости). Богословская смута, возникшая в середине 80-х гг. XV столетия, волновала все псковское общество. Автор Первоначальной редакции «Жития» яркими чертами рисует этот спор: «*Ныне же убо великъ плевель укореняшеса и цветет вльчець нечестиа посреди Съборныа Апостольскыа Христовы Церкви и зело велик прах впаде от неведения и всорися во церковномь оце, и се паче великъ расколь въ Божии Церкви: таче бо единовѣрнымъ людемъ, единомыслиемъ христьянствующимъ, а посреди ихъ углубися разногласиа сице: ови бо дважды поаху пресвятую песнь божественна аилиугиа, друземъ же трижда пресвятую песнь божественна аилиугиа поющимъ*» (л. 9–9 об.). Писатель делает попытку вернуть чин и благочестие церковное, помирить спорящих и обвиняющих друг друга. Он буквально «по свежим следам» (см. выделение курсивом в вышеприведенном отрывке: «*ныне же убо... и се паче*», т. е. — сегодня, сейчас!) с тщанием «износит бесценного бисера словесное бремя и просыплет духовную повесть» (л. 12 об.), чтобы убедить всех в правильности сугубой аллилуйи. Факты из жизни Евфросина, доказывающие его праведность, используются автором как доказательство верности его взглядов, с этой же целью «светоносное житие и дивен конецъ» (л. 85) Евфросина противопоставляются «неблагому началу и непотребному концу» (л. 84 об.) распоя Иова, троящего аллилуйю и бывшего главным противником Евфросина. В то же время видно желание автора Первоначальной редакции отвести от преподобного любые упреки в ереси. Рассуждения о смысле аллилуйи самого автора довольно размыты, неуверенны: то он цитирует Евфросина с его пониманием сугубости как прославления догмата о воплощении Христа и Его богочеловечества, то он рассказывает о явлении ему во сне Богородицы и того же Евфросина, но уже с другим объяснением сугубости как прославления воскресения Христова и триединого Бога, а также Второго пришествия (подробнее см. гл. III наст. исследования). Это наводит на мысль, что автору не так важен смысл аллилуйи, как доказательство праведности (нееретичности) Евфросина. Именно поэтому он и назвал свое произведение «Житием», а не «Повестью об аллилуйе», как предлагает В. И. Охотникова. Цель автора, по-

вторим еще раз, — добиться признания праведности (нееретичества) Евфросина всем псковским обществом.

Эти споры конца XV столетия были вызваны главным оппонентом Евфросина — Иовом. Он сам привлек внимание к «легкой» смерти Евфросина. Услышав о блаженной кончине старца, Иов «глаголаше и въ гнѣве враждоваше на умершаго, провозносяся паче, яко буи умомъ, и з гордынею несмыслено, яко урод, без лепоты яже о святемь рече Иевъ, глаголаше, яко еретическы онсица поживе вся лета своа и с нечестивыми въ днѣх своих купно прогневалъ есть Господа Бога, и о сем паче велми дивлюся, и како сиче преподобенъ получилъ конец, яко праведникъ пред Богомъ» (л. 71 об.—72). Этим поступком Иов только вызвал негодование у последователей Евфросина за хулы на умершего старца. Возможно, в дальнейшем сторонники Иова и желали бы скрыть от широкой общественности столь «нелепую» смерть своего учителя, но это им не удалось. После смерти Иова активизировались последователи Евфросина и взяли реванш за двадцать лет «неуклонного гнева, и досады, и укорения, и наругания Иевля» (л. 47) над основателем обители. Именно ученики Евфросина задались целью обратить внимание всего псковского общества на неправоту Иова, смерть которого, по их глубокому убеждению, была прямым тому доказательством. И им это удалось. Если судить по тому, как мгновенно Евфросинов монастырь из всеми забытой пустыни, в прямом смысле этого слова, стал духовным и культурным центром Псковской земли и оставался им на протяжении почти ста лет — с конца 80-х гг. XV в. до второй половины XVI в.⁹⁸ Тот факт, что монастырь Евфросина при его жизни был забыт псковичами, подтверждается Первоначальной редакцией. Иов сумел убедить псковичей, и «люди на инъ обычаи преложиша нравъ свои: не токмо любовью изсякнуша, но и верою оскудеша ко святому, не поминающе, ниже требующе пред очима своима светосианнаго житъа его, тако же и благодѣяния отца и бывающая Божию благодатию чюдеса от него, и сиа паче яко ничтоже вмѣняющее... Сиче же, егда кому случится от народа из града или въ град минути когда обитель святаго, егда пешо мимоходящим, или на конех ездящим, то паче укаряху преподобнаго и ругахуся ему глаголаху, минующеи путем: авва, рекуще сиче, ту еретик живет, и недостойтъ нам покло(ни)тися церкви его, понеже двоит пресвятая алилугия; и тако мимогрядяху, ни скударь з главъ съемлюще» (л. 43, 43 об., 46 об.).

Большинство псковичей после двадцатипятилетнего бойкота Евфросину имели смутное представление об обители преподобного. Первому писателю приходилось пояснять им даже название монастырского храма: «Бяше храм бысть трем святым в обители Евфросима преподобнаго» (л. 108 об.). Кстати, еще одним свидетельством пренебрежительного отношения псковичей к монастырю Евфросина явилось его наименование мирским именем основателя – Елиазаров, что стало единственным в истории Русской Церкви случаем. Можно даже предположить о расстрижении (лишении монашества) Евфросина Псковским собором без санкции на то правящего новгородского архиерея⁹⁹.

В конце XV столетия монастырь Евфросина становится одним из очагов образованности. В нем активно переписывались книги. Так, по мнению некоторых исследователей, в обители была отредактирована Псковская I-я летопись¹⁰⁰. Вероятно, в конце XV – первой половине XVI в. было сформировано и основное книжное собрание Евфросиновой обители. Сохранилась опись библиотеки монастыря в составе писцовой книги Г. И. Мещанинова-Морозова и И. В. Дрони на 1584–1585 гг. (в списках XVIII в.)¹⁰¹. Среди рукописных книг Евфросинова монастыря упомянуто несколько Евангелий, в том числе напрестольное апракос в сребропозлащенном окладе басменного тиснения, богато украшенном жемчугом, хрусталем, яхонтом и другими камнями, три толковых Псалтири, три книги Номоканона, две Палеи, Ирмологии, Минси, Служебники, Стихараль, Минеи, Прологи, «Житие Андрея Юродивого», «Житие Иоанна Златоуста», «Житие Григория Омиритского и Прение с Герваном-сретиком», «Житие и мучение святых жен», «Житие трех святителей», несколько Печерских патериков, Скитский патерик, «Христианская топография» Космы Индикоплова, книги «Панагирик, в начале Как Адам создан бысть», «Плен Иерусалимский», «Златоструй», «Маргарит», книги Григория Богослова («одна на бумаге, а другая на хоратье»), Василия Великого, Кирилла Иерусалимского, Ефрема Сирина, Исаака Сирина, Максима Исповедника, Феодора Студита и др. В Российской государственной библиотеке из собрания книг Пискарева сохранились список «Слов постнических» Исаака Сирина, «Слово постническое» Максима Исповедника, «Слово о Христе и антихристе» Ипполита Римского и «Послание к епископу Кириаку» Иоанна Златоуста, переписанные в 70-х гг. XV в.

ГЕРМЕНЕВТИКА ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Сборник 15

Издатель А. Кошелев

Зав. редакцией М. Тимофеева

Корректоры: Г. Эрли, Е. Сметанникова

Оператор Е. Зуева

Оригинал-макет подготовлен Б. Абакумовым

Художественное оформление переплета С. Жигалкина

Подписано в печать 02.07.2010. Формат 60×90 ¹/₁₆.
Бумага офсетная № 1, печать офсетная. Гарнитура Baskerville.
Усл. печ. л. 56. Тираж 800. Заказ № 3558.

НП «Рукописные памятники Древней Руси».

№ госрегистрации 1067746430102

Тел.: 959-52-60. E-mail: Lrc.phouse@gmail.com

Site: <http://www.lrc-press.ru>, <http://www.lrc-lib.ru>

Отпечатано с готовых диапозитивов в ОАО ордена «Знак Почета»
«Смоленская областная типография им. В. И. Смирнова».
214000, г. Смоленск, проспект им. Ю. Гагарина, 2.

Оптовая и розничная реализация — магазин «Гнозис».
Тел./факс: (499) 255-77-57, тел.: (499) 246-05-48, e-mail: gnoxis@pochta.ru

Костюшин Павел Юрьевич (с 10 до 18 ч.).

Адрес: Зубовский проезд, 2, стр. 1
(Метро «Парк культуры»)